

Ю. Н. Солонин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

1. Мой доклад был написан на основе впечатлений от научных сочинений Д. С. Лихачева. Его научные труды не ассоциируются с признаком научности, который обыденное сознание соотносит с научным жанром. Труды Д. С. Лихачева отличаются легкостью, ясностью, органичной простотой изложения, что можно наблюдать, читая или изучая их. Ясная мысль и адекватная ей словесная форма; незатемненная последовательность мысли и текста, прозрачность аргументации; полное безразличие к словесной или умственной виртуозности, устранение всяких эффектов вроде эпатажирующих метафор и сравнений; отсутствие патетики, нарочитой фасцикации и бесконечного цитирования, отсылок к неизвестным текстам и недоступным источникам. Этот тип научной прозы, как и прозы вообще, демонстрирует уже утраченные навыки кларизма языка эпохи классицизма, французской литературной школы и ее рецепции в литературе пушкинского времени.

В русской научной литературе подобный научный стиль нередко характеризует работы, что удивительно, крупнейших отечественных натуралистов (в частности, Д. И. Менделеева) или записки путешественников и этнографов. Всякий имеющий отношение к научному делу знает, как трудно дается такое мастерство, не принижающее сложности научной проблемы.

Второе впечатление от прочтения научных трудов Д. С. Лихачева связано с невольным признанием необходимости введения в текст новых научных понятий и определений, которые ученый считает нужным использовать для развития концептуального со-

держания теории или объяснения. И будучи введенными, они «врастают» в научный язык и становятся общепринятыми. Но все же Д. С. Лихачев стремится избегать перенасыщенности текста абстракциями и сухими дефинициями, предпочитая описательные приемы (дескриптивность). В качестве примера можно проследить судьбу термина «экология культуры».

Научное лидерство Д. С. Лихачева — интереснейшая сторона его наследия как ученого. Мышление такого рода вообще редкость, а в настоящее время даже уникальность. Предположу, что его корень — в признании естественной зависимости научного текста от предмета, порождающего его.

2. Я, профессионально занимаясь философией и принадлежа к сократо-кантовской линии, для которой существенно не утверждение, а вопрошание, сомнение, критико-аналитическое проникновение в структуры содержания, разделяю позицию интеллектуального дистанцирования от тех научных ситуаций, в которых проблемы представляются решенными, но при ближайшем отстраненном рассмотрении предстают в противоположном виде. Так, когда каждый учебник по теории культуры начинается с известия о наличии не одного признанного, а нескольких сотен равноценных определений культуры, здравый смысл подвергается испытанию. Интеллектуальный дисконфорт усиливается, когда оказывается, что автор произвольно объявляет себя сторонником одного из них и весь дальнейший текст ориентирует на разработку этого условно избранного понятия. Возникает вопрос: читатель имеет дело с теорией культуры, относящейся к некоей реальной достоверности (даже при признании отвлеченности такой связи), или перед ним условная интеллектуальная конструкция произвольного типа?

3. Итак, возникает проблема: возможна ли теория культуры в том понимании, которое принято в научном (образованном) обиходе, — что всякая теория нечто говорит о реальности, в данном случае культурной. Постановка вопроса настолько тривиальна, а он настолько покрыт «плесенью» времени, что это сразу же навеивает скуку.

Но скуку вызывает вообще всякий призыв к методологической проработке проблемы, следованию правилам методологической культуры, к ясности и

¹ Декан философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор книг: «Какая философия нам нужна?», «Предмет философии и обоснование науки», «Наука как предмет философского анализа», «Парадигмы исторического мышления XX века: очерки по современной философии культуры». Составитель и автор ряда сборников по актуальным проблемам общества и философии. Член Совета Федерации Федерального собрания РФ (представитель от Хабаровского края), первый заместитель председателя Комиссии Совета Федерации по вопросам развития институтов гражданского общества, член Комиссии Совета Федерации по образованию и науке, член Комиссии Совета Федерации по информационной политике. Председатель Санкт-Петербургского философского общества, вице-президент Российского философского общества, член редколлегий ряда научных журналов.

определенности выражаемого. К сожалению, мы живем во времена методологического нигилизма. Времена, когда разработка методов познания признавалась определяющей в возможности обретения знания и даже предвляла научные революции, видимо, находятся далеко в прошлом. Отсутствуют и признаки появления новой методологической парадигмы, возможно, потому что еще не очерчены отвечающие ей онтологические представления о мире. Системный подход во всех модификациях, в том числе синергетической, вероятно, достиг пределов своих эвристических возможностей. Но именно он питал великие методологические программы XVII–XX веков. Альтернативная ему целостная интерпретация реальности находится пока в эмбриональном состоянии и представлена отдельными фрагментами в гуманитарном знании и естественных науках.

Но этим фактом не оправдывается пренебрежение методологической культурой, которое сегодня стало типичным. Иногда создается впечатление, что возникновение научного текста имеет источником не объективное содержание проблем из мира культурных процессов и предметностей, а рождается силами произвольно конструирующего воображения. Эти силы породили беспредельный космос культурологической литературы, но научное продвижение оказалось минимальным.

4. Я не ставлю цель определить причины вырождения методологической культуры. Ограничусь общим указанием на его связь с тем методологическим переворотом, который был осуществлен на рубеже XIX и XX веков и привел к резкому размежеванию двух типов науки и знания по различению их предметных сфер, противопоставлению познавательных установок. Этот хорошо известный факт в сообществе гуманитариев получил одобрение, поскольку оценивался как утверждение суверенности гуманитарного знания. Но следует обратить внимание на то, что при всей важности этого обстоятельства возникла дивергенция наук, вызывающая сожаление. Гуманитарии резко отвергли методологический опыт точных наук и стали бороться со всякого рода проявлениями сциентизма в своей сфере. С болезненной подозрительностью выслеживалось все то, что можно было истолковать как «натуралистический редукционизм» в подходе к культурным сущностям или заимствование из арсенала естественно-научных понятий. Принцип единства знания, не отвергаемый напрямую, оказался, однако, в забвении. Тем не менее в природе любого знания, если оно определяется как научное, всегда имеются внутренние центростремительные импульсы, объединяющие различные его части в единый познавательный комплекс. Один из импульсов — невольная тяга к понятийной строгости и определенности на основе типов рациональности, которые не рождены в одной из частей знания и навязываются другим, подобно известному в прошлом «принципу физикализма».

5. Центральная проблема современной культурологии — процесс глобализации. Действительно, развитие цивилизации не только размывает экономические и политические границы, ставя под вопрос будущее национальных суверенитетов в различных

аспектах, охватывает мир единой информационно-коммуникационной сетью и системой энергетического обеспечения, подчиняет технологические комплексы различных регионов единым стандартам и нормативам, но и проникает во внутреннюю природу культурных процессов и затрагивает корни их возникновения. В XIX веке, в период бурного развития индустриальной фазы капитализма и всеобщей торговли, когда стала складываться система международного разделения производительных сил человечества, возникали теоретические представления о необходимости координации и региональной кооперации всех участников мирового процесса. Утверждалось, например, что «сама природа постепенно ведет нации к совершеннейшей ассоциации» (Ф. Лист). Рассматривались возможность мирового федеративного устройства государств и народов, интернационализация основных форм жизни, свободный обмен ценностями. При этом считалась сама собой разумеющейся свобода вхождения в такие ассоциации, сохранение своей культурной и этнической идентичности и своеобразия и национально-исторической самобытности.

В настоящее время подобные теории расцениваются либо как романтические иллюзии, либо как первичное осмысление нарождающегося глобализационного процесса. Возможно, это так. Но современные подходы имеют специфическую слабость: они оперируют понятиями, содержание которых затемнено или крайне неопределенно. Это касается в первую очередь базовых понятий, к которым, кроме глобализации, следует отнести понятия глобальной цивилизации, глобальной культуры, диалога культур и конфликта цивилизаций. Очевидно, перечень неполон. Неясно, о каких сферах общественных процессов идет речь. То, что представляется несомненным относительно материальных сторон развития в целом, вызывает сомнения, когда речь заходит о культуре. Именно здесь мы видим корень основных сложностей. Универсализация культур, духовных процессов и соответствующих им форм не представляется необходимой с такой очевидностью, как процессы первого рода. Повсеместно фиксируются тенденции деградации традиционных источников возникновения и поддержания культурных ценностей, создавших историческое многообразие человеческих культур. Набирает силу новый механизм производства ценностей техногенной природы (взамен старого). Примером являются всевозможные вариации медиакультуры. Если традиционные культурные ценности рождались стихийно и анонимно, складываясь в течение длительного времени и характеризовали состояние человека и обществ, то медиаценности создаются по законам техногенного общества, имеют фиксированные центры, как потребительский массовый продукт постоянно требуют обновления и в этом случае представляют непрерывный процесс. Это различие определяет различие экзистенциального статуса человека различных типов культур.

Следует признать, что культурологи еще далеки от тщательной и детальной проработки структуры глобализационных тенденций, установления детерминационных отношений между различными

сферами глобализационных процессов и их механизмами. Вместо этого господствует феноменалистский подход, удовлетворяющийся более или менее приемлемым описанием того, что доступно методологически неискаженному наблюдению.

Бесспорная истина, что новому предмету или новой сфере исследования должна отвечать подобающая ему теоретико-методологическая установка, далека от всеобщего признания. Это особенно проявляется в теоретически бесплодном дискурсе, посвященном проблеме диалога культур или цивилизаций. Является ли диалог особой сферой устойчивого межкультурного взаимодействия или ситуативно

возникшей необходимостью, реализуемой в бесчисленных форумах, конференциях, встречах? Если это процесс, то какова его конечная цель? Еще меньше ясности в вопросе о том, кто является субъектом таких диалогов. Что должно определять в культурном или ином отношении лиц или институты, которым доверена миссия проведения такого диалога. Мы должны понимать, что существуют различия между взаимодействием людей, активных носителей индивидуальных пристрастий и ценностных ориентаций, объективных ценностей и культурных форм, репрезентирующих различные культурные типы, и их создателей — народов и обществ.